

Солонович А.А.

Скитания духа

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А11

А11 **А.А. С.**
Скитания духа / Солонович А.А. – М.: Книга по Требованию, 2023. – 188 с.

ISBN 978-5-519-74942-8

ISBN 978-5-519-74942-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СКИТАНІЯ ДУХА.

Ничто глубокое, Ничто всеильное...

Ничто—пустое, какъ сердце Тайны, какъ сонъ Нирваны.

Какъ зовъ въ пустынь, какъ крикъ на морѣ—сильнѣйшее боговъ, невыразимое Ничто.

Бѣлое, какъ матовый туманъ болотнаго утра, острое и бѣлое, какъ осколокъ разбитаго льда глубокихъ надеждъ.

Оно было и будетъ и его нѣтъ никогда, ибо оно объемлетъ и держитъ само себя и въ тускломъ взорѣ своемъ отражаетъ Ничто.

Оно неподвижно, какъ трупъ, живушій страхомъ...

Оно лежало...

И не было громкаго крика, и боязливыхъ голосовъ, и тишины не было—зовущей шорохъ; и не было свѣта, и не было мрака,

Не было ничего...

Это было Ничто!

Необъятная, неизвѣстная, всеобъемлющая Тайна покоилась въ глубокомъ снѣ безъ грезъ, безъ сновидѣній...

И не родился еще изъ нея могучій стражъ зовущей Тайны—суровое, холодное Молчаніе...

И Колеса еще не было, которому другое имя—Вѣчность.

И на челѣ Непроявленнаго не было начертано ни одной Кальпы, ибо Айнсофъ не извлекало еще изъ своей сути черной, зловѣщей Тіаматъ, хранившей въ своихъ нѣдрахъ живые образы вращеній Колеса.

И если бы явился атомъ, онъ былъ бы здѣсь Творцомъ, онъ былъ бы всемогущимъ, онъ былъ бы Всѣмъ...

Одинъ атомъ, о, только бы одинъ,—единый и ничтожный,—онъ былъ бы Богомъ, небомъ, адомъ, вселенной и собой...

Онъ былъ бы Бытіемъ!..

Онъ былъ бы точкой, язвой, раной, проклятіемъ, тоской...

О, это было бы Все!

И возникъ въ Небытіи крикъ отчаянія...

Точно гдѣ-то, въ самомъ центрѣ его, треснуло сердце и раздвинулось; какъ будто порвалось что-то и тамъ, гдѣ порвалось, гдѣ не было Ничто,—тамъ повисъ крикъ, страшный...

Онъ висѣлъ въ безднѣ и точно падалъ куда-то въ неизвѣданную глубину, и точно подымался вверхъ—туда, гдѣ не было недостижимаго, и точно

углублялся въ себя,—въ рану своего бытія, въ хаосъ непредначертанныхъ абсолютовъ...

Онъ возмутилъ спокойное, безстрастное Ничто.

И ядомъ бытія онъ отравилъ, онъ загрязнилъ священное, въ самомъ себѣ живущее Ничто.

Онъ растлилъ.

Онъ былъ, какъ языкъ краснаго пламени, какъ блѣдно-синій, невидимый огонь ненасытимаго пожара.

Онъ впивался, онъ терзалъ, онъ хотѣлъ жить...

О, онъ хотѣлъ жить, жить еще, жить безконечно, жить только, жить мгновенье—маленькое ничтожное, презрѣнное мгновенье...

Онъ былъ одинъ, одинъ,—совсѣмъ одинъ...

И звенящій, какъ сталь меча, какъ острое жало жужжащей стрѣлы, какъ тонкій стилетъ тайнаго убійцы,—онъ вонзался все глубже...

Онъ рѣзалъ и терзалъ, какъ беспощадный палачъ, какъ жертва ненависти, извивался онъ и стоналъ, и молилъ, и рыдалъ, и звучалъ, задыхался и росъ...

И Небытіе содрогнулось отъ крика ужаса и отчаянія гибели и стало во весь могучій ростъ бездоннаго Ничто, и надвигалось со всѣхъ безконечныхъ и тайныхъ сторонъ, и ползло, какъ студенистый спрутъ, какъ зыбучій песокъ, какъ болотная тина, и сосало, и тарщило круглые, безум-

ные глаза, и обнимало тихими, влажными, страшными, свирѣпыми объятьями, и наваливалось громадой послѣдняго одиночества, и душило...

О, это была битва.

Это была страшная битва на границѣ вѣковъ и хотѣній...

И снова конвульсивно сжималось Ничто, стараясь затушить пожаръ въ сердцѣ туманно-блѣдными волнами, хлеставшими, какъ длинные обвиняющіе бичи, какъ пѣнные валы въ часъ прибоя бури бьются и пляшутъ въ изступленной борьбѣ съ берегами и хлещутъ, и воютъ, и наступаютъ—валы за валами, гряда за грядой, сомкнутыми колоннами сверкающихъ штыковъ бѣлой пѣны...

Но крикъ росъ...

Теперь онъ грохоталъ, ревѣлъ, какъ царь лѣсовъ глубокой ночью навстрѣчу звѣздамъ въ широкой пустынѣ; онъ палилъ, разливался зловѣщимъ краснымъ пламенемъ желанья и страсти, бурнымъ огнемъ возмущенья, страданья и страха...

Онъ жегъ, какъ стыдъ, какъ слезы жертвы, какъ искупленье...

И крикъ перешелъ въ хохотъ—побѣдный хохотъ жизни.

— Ха-ха-ха,—и Ничто отступало.

— Ха-ха-ха,—и Ничто отступало.

И бурный океанъ желаній и страсти стѣной на-
двигался и грозно, и хмуро, и твердо, и на немъ
загорались и гасли зловѣщіе огни столкновений.

Бросалъ свои валы вверхъ—туда, гдѣ еще оста-
валось Ничто,—весь трепеталъ и вертѣлся огром-
нымъ водоворотомъ, кидался и плакалъ, и стоналъ
и молилъ, и бушевалъ...

Въ его нѣдрахъ рождалась Необходимость...

Та страшная желѣзная Необходимость—суро-
вая и острая, какъ мечъ, какъ бичъ, какъ лучъ,
какъ молніи зигзагъ...

И она вышла и стальнымъ кулакомъ разорва-
ла Ничто.

А между тѣмъ жизнь непонятная зарождалась
въ суровой борьбѣ...

Въ ней была страсть, могучая, какъ пламя ро-
ждающихся міровъ, въ ней была мощь святотатца
и сила одного, въ ней была сама смерть, какъ
застывшее солнце и безсиліе всѣхъ...

И новая ярость пронизала Ничто и содрогну-
лось оно, и вытянулось, трепеща въ агоніи небытія.

И изрыгнуло изъ чрева Мракъ, ужасный чер-
ный Мракъ—и гибкій, и послушный.

Онъ окуталъ и скрылъ, онъ разбудилъ Тайну,
онъ породилъ Молчанье и флеромъ кроваваго
мщенья покрылъ, и сгустился, готовясь на бой,
какъ пантера, присѣвшая передъ страшнымъ

прыжкомъ на заднія лапы, какъ гибкая пружина западни.

А битва кипѣла, стонала, рыдала, какъ жизнь, какъ страданье, какъ мука и бредъ...

И трещина росла, превратилась въ крутящійся провалъ, и, въ сумасшедшемъ вихрѣ ликующаго „я“, ввергала въ свой водоворотъ все новыя и новыя широты бытія.

— Ха-ха-ха,—грохоталъ океанъ.

Точно изъ громадной раны широкимъ свистящимъ, дымящимся потокомъ, изъ зіяющей раны лилась горячая кровь.

И кровь была Тіамать, и крикъ былъ Богъ, и Ничто было Абсу.

И было одно, и стало три, и стало много.

И Ничто стало тонкимъ и разорвало себя.

И гдѣ не было Ничто, тамъ было Нѣчто.

И Нѣчто было крикомъ.

И острый крикъ породилъ красную кровь.

Ибо была битва.

Одинъ боролся.

И побѣдилъ.

Пламенный, звонкій, мятущійся—онъ побѣдилъ, ибо онъ былъ, а потомъ онъ былъ Все.

И раздвоился крикъ и сдѣлался подобнымъ языку змѣи, подобнымъ свившимся столбамъ чешуйчатаго

дыма, изъ бѣлой крови сновъ и вытянутаго крика поднялся стебель перворожденного лотоса.

Цѣпями бытія, стальнымъ канатомъ бытія онъ охватилъ, поработилъ, сковалъ, связалъ Ничто.

Точно стягивалась мертвая петля у горла повѣшеннаго, и высунулся черный языкъ, и лѣзли глаза изъ орбитъ, и судоржно трепетало Ничто.

И стебель выпустилъ вѣтвистые корни и, точно узкими пальцами, разрывалъ камни и укрѣплялся, и росъ все шире, вольнѣе, огромнѣй.

И показалаась чашечка зеленыхъ лепестковъ, какъ мертвый ликъ съ закрытыми глазами, какъ чрево женщины, готовое родить, какъ первый взглядъ души, готовый полюбить, какъ центръ возможностей, готовыхъ проявиться, какъ крикъ внезапности, какъ первый взмахъ крыла гигантской, вѣщей птицы, какъ дрожь росы на листьяхъ въ часъ восхода, какъ молніи, уже сверкнувшей, громъ.

Вселенная вздохнула и туманъ окуталъ рождение божества,—туманъ изъ ожиданій.

Застыло все.

И Молчанье появилось и тихо стало.

И снова вздохъ—пахнуло бездной...

Туманъ слетѣлъ, какъ плащъ, отброшенный могучею рукою.

И стонъ упалъ, и вновь родился и упалъ.

Явилось новое.

Лотось расцвѣлъ жемчужнымъ ожерельемъ, алмазы слезъ блистали по краямъ и острия, мелькающія стрѣлы впервые пронизали мракъ,—тычинками тянулись нити свѣта, и завязь міра народилась, какъ первый часъ текущей ленты неподвижныхъ вѣковъ.

И тронъ, какъ будто плавая въ лучахъ сверкающаго свѣта,

И Богъ-Отецъ, Іегова, Атманъ и Брама, Хонсъ и Деміургъ, Нусъ и Эхіэхъ, и Бэлъ, и Ра, Одинъ и Параклетъ, онъ—имѣющій безконечныя названія и не имѣющій ни одного имени, внезапно появился,—первый и послѣдній, въ комъ все и кто во всемъ,—олицетворенье Бытія.

И мощный Сатана, стоящій въ сердцѣ мрака, предвѣчный принципъ Зла, великій Люциферъ съ душой изъ льда застывшихъ вождедѣній, таящій черный грѣхъ, какъ брата мрака, и, какъ сестру,—неукротимой ненависти ядъ.

Обнимались, встрѣчаясь, лучи свѣта и мрака, встрѣчаясь, лобзались лучи, и въ борьбѣ и объятыхъ оплодотворяли другъ друга, и рождалось сѣмя будущей Кальпы,—изъ глазъ Сатаны и Бога, изъ очей Шивы и Браны, изъ сердца Непроявленнаго—великое міровое Яйцо.

Величіе Неизреченнаго окутывало ихъ и Без-